

Изъ записной книжки репортера.

Среди сумасшедшихъ.

Я уже разъ описывалъ земскую больницу на Сабуровой дачъ. Помнится, я тогда закончилъ свою замѣтку объѣщаніемъ еще разъ побывать и познакомиться читателя съ состояніемъ дома умалишенныхъ, который находится при больницѣ. Вчера, вмѣстѣ съ однимъ

знакомымъ, объѣздившимъ Россію вдоль и поперекъ, я отправился на Сабурову дачу. Доложивъ о себѣ черезъ привратника, мы стали подыматься по лѣстницѣ въ кабинетъ старшаго врача.

— Какъ здѣсь чисто! Можно подумать, что насъ поджидали, а между тѣмъ вѣдь ужъ случайнѣе нашего посѣщенія и быть не можетъ, мы не болѣе получасу какъ рѣшили отправиться на Сабурову дачу, воскликнулъ мой знакомый.

— Ну, спасибо, по крайней мѣрѣ на тебя больница производитъ такое же впечатлѣніе, какъ и на меня, а то у насъ здѣсь нашлись господа, которые при первомъ моемъ описаніи Сабуровой дачи, обвинили меня въ пристрастіи.

— Помилуй, здѣсь образцовая чистота, которую мнѣ не приходилось встрѣчать ни въ одной больницѣ.

Въ это время вошелъ старшій врачъ и мы въ сопровожденіи его отправились въ отдѣленіе душевно больныхъ. Самый большій контингентъ здѣсь представляютъ пациенты, одержимые бѣлою горячкой послѣ бывшихъ праздниковъ.

— А вотъ вашъ знакомый! — и докторъ указалъ мнѣ на молодого человека, одѣтаго въ военное офицерское пальто. Это дѣйствующее лицо одной изъ сказокъ, помѣщенной въ моей записной книжкѣ. Онъ уже вполнѣ выздоровѣлъ и въ скоромъ времени будетъ выписанъ изъ больницы.

Въ послѣдней комнатѣ мы увидѣли богача Демидова, онъ недавно пріѣхалъ въ Харьковъ. — У Демидова, какъ сказалъ мнѣ врачъ, первичное помѣшательство. Уже мы выходили изъ комнаты, когда къ доктору обратился молодой человекъ.

— Вы докторъ?

— Да!

— Такъ вотъ я придумалъ новое лѣкарство для ревматизма, и больной взявъ со столика бумажку, сталъ читать: унція испанскихъ мушекъ, унція стоградуснаго спирта, унція и т. д.... все это смѣшать и выйдетъ сѣрая мазь.

— Хорошо, хорошо, я попробую. Мы вышли, это студентъ харьковскаго университета, написавшій прекуріозное прошеніе въ университетъ и за которымъ много труда стоило захлопнуть дверь, ведущую въ бѣдламъ. Повторяю на этотъ разъ опять, больные очень любятъ доктора Ковалевскаго, охотно съ нимъ разговариваютъ и нужно отдать справедливость, что его обращеніе съ больными такъ обдуманно, такъ умно, что нельзя не любить его.

Мы въ троихъ оставались здѣсь не долго, мнѣ хотѣлось скорѣе пройти въ домъ умалишенныхъ. Кромѣ того, что для меня интересно было поближе познакомиться съ самымъ устройствомъ дома, меня влекло туда желаніе поскорѣе увидѣть Коростовцева, о которомъ стали въ послѣднее время ходить разнорѣчивые слухи и многіе говорили, что его совершенно здороваго, вслѣдствіе какихъ то интригъ, запрятали въ сумасшедшій домъ.

По дорогѣ мы заглянули на кухню, здѣсь такая же чистота, какъ и въ первый разъ, когда я былъ на Сабуровой дачѣ, пища такая же прекрасная.

Звонойъ, и мы въ сумасшедшемъ домѣ:

— Пойдемте прежде въ женское отдѣленіе, предложилъ докторъ Ковалевскій и мы стали подыматься по лѣстницѣ.

Если помѣщеніе, занимаемое больницей, представляло отрадный фактъ въ исторіи больничнаго дѣла, то сумасшедшій домъ въ отношеніи помѣщенія полный контрастъ. Помѣщеніе малое и въ нѣкоторыхъ камерахъ помѣщается по нѣсколько неспокойныхъ больныхъ. Какое то страшно гнетущее впечатлѣніе производятъ на васъ обитати-

ли этого помѣщенія!

Вотъ женщина съ куриной грудью, вотъ чистенькая красивая старушка крестьянка, рассказывающая исторію купленнаго ею платка, который у нея на головѣ, умоляющая о скорѣйшей выпискѣ.

Мы входимъ въ корридоръ, съ обѣихъ сторонъ камеры, изъ одной слышится рыданіе, — это плачетъ несчастная женщина, у которой постоянные переходы отъ смѣха къ плачу; она плачетъ какимъ то надрывающимъ душу плачемъ, и выплакала, какъ говорится, совсѣмъ свои глаза. Тутъ же идиотка Давыдова злится, то и дѣло колотить кулакомъ по стѣнѣ и наконецъ что есть силы ударяетъ въ спину свою сосѣдку.

— Давыдова, такъ не хорошо дѣлать, обращается къ ней докторъ, но Давыдова какъ то дико смотритъ, и продолжаетъ грозить кулаками.

— Пойдемте, она при посѣтителяхъ страшно раздражается, замѣтилъ намъ докторъ и мы вышли. Непонятно, что здѣсь дѣлаетъ идиотка? Какъ она попала въ домъ умалишенныхъ?

Въ другой камерѣ старушка кричитъ, ругается, подошедшая служанка хотѣла ее прикрыть, больная вцѣпилась въ шнурокъ съ бусами, бывшій на шеѣ прислужницы и красивыя бусы рассыпались по землѣ.

— Не подбирать, гаркнула больная, увидѣвъ, что служанка собираетъ бусы, не смѣть, то то! гдѣ твой голубь, съ тобой голубиться? Я тебя! Ахъ ты, не смѣть! и больная замѣталась на постели.

Однако выздоровленіе здѣсь замѣтно подвигается впередъ. Вотъ въ комнатѣ спокойно ходитъ молодая женщина, мы вошли въ ея камеру, докторъ ей передалъ газеты. Она уже почти здорова. А всего мѣсяца два тому назадъ та же больная чуть не вцѣпилась мнѣ въ волосы, когда я вошелъ въ ея комнату.

Мы спустились внизъ и вошли въ мужское отдѣленіе. Здѣсь гораздо свѣтлѣе, просторнѣе, хотя тоже тѣсно.

— Дайте рубль на чай! встрѣтилъ насъ больной.

Въ углу сидѣлъ какой-то молодой человекъ, это студентъ, оказавшійся гимназическимъ товарищемъ моего знакомаго.

— Что скоро ѣдите въ Таганрогъ. Нѣтъ, болѣе, по выздоровленіи. Моего знакомаго студентъ этотъ не видѣлъ 7 лѣтъ, однако очень скоро узналъ; встрѣча на него произвела сильное впечатлѣніе, въ головѣ зашевелились воспоминанія и когда докторъ Ковалевскій подошелъ къ нему, то больной уже не могъ говорить, а лишь безсвязно произносилъ: 23... великанъ онъ...

Вотъ еврей, недавно привезенный, онъ помѣшался отъ страха, что его убьютъ, впрочемъ теперь его бредъ, какъ передавали намъ врачи, уже нѣсколько успокоился. Съ подобнымъ же помѣшательствомъ мы встрѣтили больную и въ женскомъ отдѣленіи.

Въ одной комнатѣ учитель, помогающійся увеличенія содержанія и докторъ, прикомандированный къ здѣшнему военному госпиталю, помѣшавшійся на своей безпомощности.

Вотъ Филипповъ, — бывший приставъ 6 участка, онъ меня узналъ, но никакъ не могъ припомнить, гдѣ видѣлъ. Всего со времени его ареста прошло два мѣсяца, а между тѣмъ уже узнать его невозможно.

Наконецъ вотъ и Коростовцевъ. Докторъ взялъ его подъ руку и мы вышли въ садъ. Раньше чѣмъ привести отрывки изъ нашего разговора, сообщу одинъ городской слухъ. Коростовцевъ попалъ въ домъ умалишенныхъ, препровождаемый туда полиціей. Онъ окружонъ

многими лицами, которые не прочь были воспользоваться его имѣніемъ, благодаря его сумасшествію, но этому помѣшалъ братъ, который сталъ ходатайствовать объ учрежденіи надъ его имѣніемъ опеки. Жалобы на неправильное задержаніе Коростовцева въ домѣ умалишенныхъ доходили до губернатора и Коростовцевъ на дняхъ былъ освидѣтельствованъ въ губернскомъ правленіи, гдѣ единогласно признанъ сумасшедшимъ.

Выйдя въ садъ, мы сѣли на скамейкѣ.

— Какъ васъ зовутъ?

— Коростовцевъ.

— Вы служили?

— Да, въ окружномъ судѣ, потомъ былъ адвокатомъ, потомъ ротмистромъ.

— Какъ же такъ съ разу ротмистромъ?

— Переименовался изъ коллежскихъ секретарей.

— Вы женаты?

— Да, двѣ жены, одна умерла, другая жива.

Я не стану приводить весь разговоръ, хотя онъ далеко не безынтересенъ. Скажу только—это первый сумасшедшій, котораго я, по крайней мѣрѣ, видѣлъ такимъ спокойно веселымъ, онъ вполне счастливъ и разговариваетъ охотно. При сумасшедшемъ домѣ прекрасный садъ и цвѣтникъ—все плоды рукъ самихъ сумасшедшихъ. Въ интересахъ общества желательно было бы, чтобы земство обратило вниманіе на помѣщеніе, а при хорошемъ помѣщеніи и такомъ медицинскомъ персоналѣ, сумасшедшій домъ не уступалъ бы больницѣ.